

Окна с видом на Альпы

ГОРИЗОНТЫ

Они работают во Франции, но считают себя российскими учеными.

- Хочешь познакомиться с соотечественниками? - спросила меня Софи, и я, признаваясь, не сразу поняла предложение французской коллеги: мы приехали с группой европейских журналистов познакомиться с лабораториями Национального центра научных исследований (CNRS) в Гренобле, а с российскими учеными можно встретиться и в Москве. Софи, видимо, угадала ход моих мыслей и внесла ясность:

- Они давно работают здесь.

Ну конечно! Как же я не догадалась? Нынче наши ученые трудятся в самых разных странах - результат возросшей мобильности, более тесных международных контактов (что хорошо) и пресловутой «утечки умов» (что плохо). Но и в том, и в другом случае встреча с соотечественниками, коль представился случай, конечно же, интересна. Так что я согласно кивнула Софи, и она тут же засела за телефон...

Свидетельство нам удалось лишь поздним вечером, когда программа дня была исчерпана и голова стала казаться чугуном от переизбытка информации. Посещение еще одной лаборатории, даже самой интересной, честно говоря, уже не улыбалось, но у моих новых знакомых оказался другой план. Анатолий и Ирина Снигиревы пригласили поехать к ним домой, за город, перевести дух и провести беседу в спокойной, семейной обстановке. Вот так я и оказалась в их удивительном жилище неподалеку от Альп, в котором непостижимым образом сочетаются Франция и Россия. От первой - сам дом с его планировкой, мебелью, садом, видом из окон. А все остальное Россия - бесконечные книги на полках, многочисленные фотографии по стенам, телевизор, врубившийся сразу на РТВ, и даже посуда, выставленная хозяевами на стол.

се поженились, на пятом родили дочку Анечку, которая совсем недавно подарила им внука. Жили сначала в семейном общежитии МИСиСа на Ленинском проспекте, затем в общежитии Института физики твердого тела Российской академии наук в Черногоровке, куда распределили Анатолия. Тогда впервые семья разделилась, потому что Ирину оставили в вузе, в аспирантуре, но научный руководитель помог перебраться в институт, где к тому времени работал муж. В Черногоровке и начала по-настоящему у них складываться научная карьера, хотя первые шаги к ней и он, и она начинали еще в студенческие годы.

- Нам очень повезло, - повторяет Анатолий, перечисляя имена маститых ученых, с которыми работали бок о бок, а Ирина добавляет: им везло еще и на щедрых душой людей, помогавших младшим коллегам встать на ноги, найти свое место в жизни...

В ту пору открывались все новые возможности микроэлектроники. Занималась этими проблемами и лаборатория рентгеновской кристаллооптики, которую возглавил Анатолий Снигирев. Очень скоро его исследования привлекли внимание, и в 1986 году молодому ученому предложили продолжить свои изыскания в Гамбурге, на

и Гумбольдтовский фонд предложил россиянам остаться. А они собрались в дорогу, уж очень остро воспринималось все то, что происходило в России. В те дни от телевизора не могла оторваться даже дочка-школьница. Но возвращение оказалось недолгим: в октябре 1992-го Снигиревым предложили поехать во Францию, где в Гренобле, втором после Парижа научном центре страны, готовился к пуску мощнейший синхротрон (ESRF), построенный силами европейских стран.

В этом году у ESRF юбилей: ровно десять лет назад на синхротроне был получен первый пучок рентгеновских лучей, позволяющий проводить сложнейшие исследования в самых разных областях науки - в медицине, биологии, материаловедении, биохимии... Нынешний год юбилейный и для Снигиревых, ибо прошло как раз десять лет, как они представили результаты исследований, перевернувших представления физиков о рентгенопреломляющей оптике. В скором времени Анатолий Снигирев будет говорить об этом на конференции в Денвере (США), а доклад свой он решил назвать так: «Где мы находимся через 10 лет ренессанса в имиджинге».

Этим режущим слух неспециалиста термином физики обозначают процесс формирования изображения. Так вот, оптика, предложенная Снигиревыми вместе с коллегами из Института атомной энергии им. И. В. Курчатова, совершила настоящую революцию в имиджинге: был получен принципиально новый тип рентгеновских линз, подкупающих простотой решения, дешевой, а главное - обеспечивающих разрешение до мельчайших долей микрона. Когда Анатолий Снигирев впервые рассказал, как, сфокусировав небольшой пучок рентгеновских лучей, можно получать изображение до тончайших деталей, коллеги в Гренобле не поверили. «Это невозможно!» - сказали ему. Но в тот же день скептикам пришлось брать свои слова обратно. А вскоре появилась публикация в журнале Nature, после которой об удивительных рентгеновских линзах сообщили едва ли не все печатные издания, рассказывающие на своих страницах о достижениях науки.

Говоря об этой работе, Снигиревы подчеркивают: ее основу составили исследования, проводившиеся еще в России - в ФИАНе, в Институте физики твердого тела, в Институте кристаллографии РАН, в МГУ... Большую роль сыграло сотрудничество с Курчатовским институтом, в частности, с такими известными учеными, как профессор Виктор Кон или член-корреспондент РАН Михаил Ковальчук. Это сотрудничество продолжается, Анатолий Снигирев уже не раз приезжал в Курчатовский институт, где у него, кстати, есть аспиранты, и несколько человек уже защитили диссертацию под его руководством. Не прерываются связи и с институтом в Черногоровке.

- Вот в этом самом кресле, где сейчас сидите вы, расположился академик Юрий Осипьян, - говорит Анатолий, вспоминая, каким праздником был для них с женой приезд известного ученого. Кстати, как выясняется, у нас с Юрием Андреевичем оказались схожие ощущения: он тоже обратил внимание на то, что в этом французском доме с русскими хозяевами царит особая атмосфера...

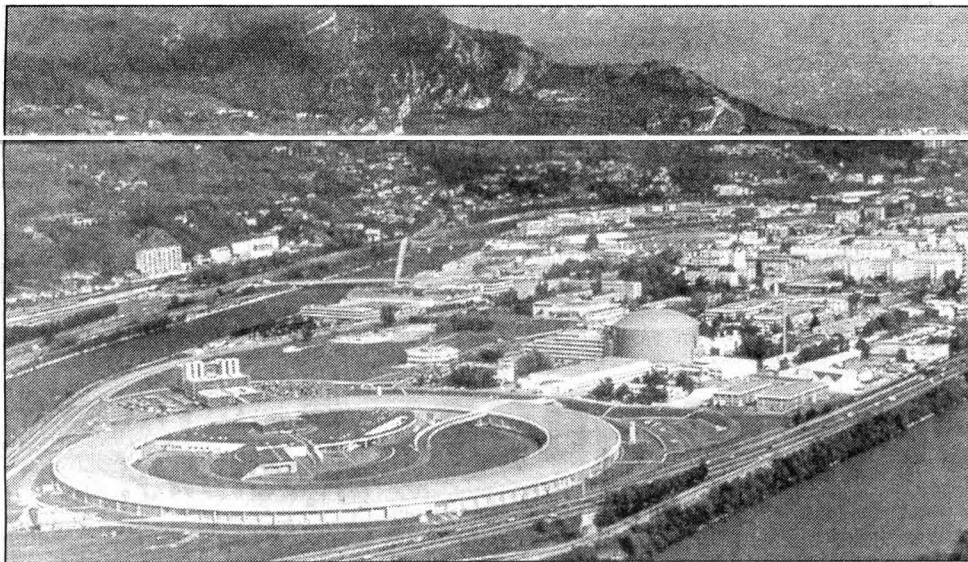
Вернутся ли они в Россию? Формально Снигиревы связи с ней не прерывали: остаются российскими гражданами, во Франции трудятся по контракту. Кстати, его сроки зависят теперь только от них, ибо престижнейший CNRS предоставил российским ученым постоянную позицию, то есть, говоря по-нашему, зачислил в постоянный штат, что в западных научных центрах случается нечасто, это знак особого признания. Вернутся ли в Россию?

Собственно, это вопрос не только к Снигиревым. Приедут ли обратно ученые, уехавшие отсюда в разные годы? Почему бы и нет, если в родной стране у них будут такие же возможности для работы, как за рубежом? И если здесь наконец начнут столь же высоко ценить людей науки...

ВИОЛА ЕГИКОВА.

На снимках: Анатолий и Ирина Снигиревы в своем доме в Гренобле; кольцо синхротрона у подножия Альп.

Фото автора.

- Чай будем пить из путинских чашек, - объявила Ирина.

Своим названием, как выяснилось, они обязаны телесюжету про то, как российский президент принимал кого-то за чаем. Так вот, чашки в кобальтовую сеточку были у него точно такие же, Ломоносовского фарфорового завода. С тех пор и прозвали их в доме Снигиревых «путинскими». Шутка, конечно, но за ней нетрудно угадать обостренное внимание к любой детали, связывающей с Россией. Для Снигиревых она нечто большее, чем место рождения. Это - родная страна. А Франция - страна, где работают. Но и она для них нечто большее. Потому что здесь много друзей, здесь произошло немало значимых для них событий, на этой земле пройден серьезный отрезок пути. Вот так и живут они сегодня - на два дома. А начиналось все...

- Начиналось все в Московском институте стали и сплавов, где мы с Ириной учились, - говорит Анатолий.

Там, на физико-химическом факультете, и познакомилась. На четвертом кур-

одном из крупнейших в мире синхротронов. Это была первая зарубежная командировка Анатолия - и сразу в Западную Европу! Кто помнит, с каким скрипом отпустили в подобные поездки советских людей, не удивится, что Ирине уехать с мужем не позволили. А вот уже следующая поездка, в Дортмунд, пришлось на более либеральные времена, и к началу 1990-х, когда Анатолий получил стипендию Фонда Гумбольдта, они уехали в Германию всей семьей - заниматься кристаллооптикой.

Для российской науки наступали сложные времена: та область физики, в которой работали Снигиревы, требовала сложнейшей аппаратуры, которая была на Западе, у нас, увы, стремительно устаревала... Именно в те годы начался массовый отток ученых в западные лаборатории. Многие покидали страну навсегда. Снигиревы воспринимали свой отъезд как научную командировку, продолжая считать себя сотрудниками российского института.

Когда начались события августа 1991-го, командировка как раз подходила к концу,